

так, статья ставит вопрос о том, что является ближайшей задачей сельсоветов: увеличение численности каждой депутатской группы или расширение сети депутатских групп; причем т. Шостак разрешает вопрос в смысле последнего положения (стр. 16). Нам кажется, что самая постановка вопроса «или-или» неправильная, так как одно не исключает другого и так как «и то и другое» нам в одинаковой мере важно для организации широчайшего колхозного актива вокруг сельских советов для укрепления и развития колхозного производства. Приходится также пожалеть и о том, что свой анализ статистических данных т. Шостак ведет таким образом, что не всегда связывает имеющиеся показатели с процессом индустриализации и коллективизации: на протяжении статьи мы только в двух случаях находим эту связь (стр. 23 и 28), не более.

Особенно неполными необходимо признать материалы относительно выполнения советами наказов избирателей; приводимые таблицы дают лишь статистику подачи предложений к наказам. Из таблиц не видна степень выполнения наказа в целом и предложений к нему. Также недостаточно разработан материал об отзыве депутатов, так как в соответствующей таблице, как указано в статье т. Шостака, в «отзывные» включены и те депутаты, которые были не по причине отзыва, а по другим случайным причинам: переезд депутатов в другую

местность, смерть и пр. (стр. 27). Картина, данная в этой таблице (7), тем более становится неясной, что процент «прочих причин» отзыва является подавляющим и доходит до 94,5 (Ивановская промышленная область на 1/VII 1931 г.).

Однако, несмотря на все наши замечания, как самый статистический материал, так и его дополнительная обработка и анализ, данные в статье т. Шостака, представляют собой большую ценность и для практики и для теории советского строительства.

Период 3 и 4-го годов первой пятилетки настолько захватывающе интересен с точки зрения истории социалистического строительства, что данные здесь материалы по статистике советского строительства необходимо следует в ближайшее же время дополнить. Можно быть уверенным, что данные о последующих годах советского строительства во второй пятилетке получают более совершенную статистическую обработку, благодаря тому что руководство массовой работой, предполагающее правильный учет, прежде всего укреплено не только в исполкомах и советах, но усилено дополнительной работой в этой области самих наркоматов, на которые, согласно специальным постановлениям Президиума ВЦИК, возложена ответственность за массовую работу на местах по соответствующей отрасли хозяйственного и культурного строительства.

С. Берцинский

И С Т О Р И Я

СТРУВЕ, В. В. История древнего Востока. Краткий курс. Подготовлен к печати М. Черемных и Т. Шумовским. Предисл. А. Мишулина. — М. Соцэкгиз. 1934. 132 стр. 1 р. 65 к., перепл. 50 к. 50 000 экз.

Рецензируемая книга проф. Струве представляет собой краткий курс лекций автора, переработанный им для печати. Курс страдает целым рядом коренных недостатков и не отвечает тем требованиям, каким должны удовлетворять марксистские руководства по истории для высшей школы.

Прежде всего приходится отметить, что автор совершенно не учел исторического постановления ЦК ВКП(б) о перестройке преподавания истории в советских школах. Постановление это касалось, конечно, не только средней школы, но также и вузов. Современный исторический учебник для вузов должен давать конкретное и связное изложение исторического процесса, обладающее необходимой полнотой фактического материала и проникнутое марксистско-ленинской методологией. Имея в виду что вузы должны выпускать хорошо образованных историков, способных разбираться не только в фактическом материале исторической

науки, но также и в важнейших спорных ее проблемах и в историографии, авторы исторических учебников для вузов обязаны также отвечать и этим вопросам соответствующее место.

Курс проф. Струве не отвечает этим требованиям. Мы не найдем в нем связного и насыщенного конкретным материалом изложения восточного исторического процесса. Из 7 глав, посвященных изложению истории Востока, только две, об Ассирии и Персии, дают, и то очень примитивный, исторический рассказ. Прочие главы, особенно две первые, самые крупные («Древний Египет» и «Древний Вавилон»), написаны в стиле того социологизирования. Фактический материал подан только в той мере и в том подборе, какой казался автору необходимым для освещения и доказательства его концепции древневосточного общества. Как будет видно ниже, не выдержана и марксистско-ленинская историческая идеология. Почти отсутствуют история раскопок и историография Востока. О последней говорится только в заголовке соответствующей главы. Источники, о которых упоминается в заголовке этой же главы, также не получили достаточного освещения. Автор подробно рассказывает о дешифри-

ровании египетского и клинообразного письма, но читатель ничего не узнает о характере и содержании источников древневосточной истории, о их разработке, о их изданиях, особенно на русском языке. А между тем все эти сведения насущно необходимы не только специалистам, но и всякому историку и преподавателю средней школы не меньше чем каждому другому.

Переходя к оценке материала курса по существу, прежде всего надо остановиться на теоретических установках как автора, так и редактора. При этом я вовсе не собираюсь поднимать здесь дискуссионный вопрос о характере непосредственного производителя на древнем Востоке. Я являюсь одним из самых горячих противников концепции проф. Струве. Я считаю, что рабовладельческая концепция восточного общества и связанная с ней «однолинейная» концепция смены общественных формаций теоретически неправильна, ибо противоречит совершенно ясным высказываниям Маркса, Энгельса и Ленина о характере восточных обществ и о возможности и фактическом наличии двойной линии развития первоначального классового общества. Я считаю также, что «доказать» рабовладельческий характер восточных обществ можно только при помощи насильственного толкования одних документов и замалчивания других — метод, которым идет проф. Струве. Свою точку зрения я уже имел возможность высказать печатно и сейчас заканчиваю переработку своего обширного критического доклада о рабовладельческой концепции. Но я полагаю, что пока дискуссия не решена окончательно, я не имею права превращать рецензию в арену для дискуссионной борьбы и потому намеренно не буду останавливаться на общей критике концепции проф. Струве. Однако кроме спорных вопросов и установок существуют также бесспорные вопросы и установки. Об этих бесспорных моментах и будет идти речь ниже.

Первый момент, на который я хотел бы обратить внимание, что, повидимому, считали необходимым учесть и автор и редактор курса, — это следующий. Дискуссия, ведущаяся сейчас по вопросу о способе производства на древнем Востоке, должна получить всестороннее и объективное освещение во всяком курсе истории Востока. А поскольку автор, будучи стороной, как совершенно естественно, не может сам сделать этого надлежащим образом, то эта задача возлагается на редактора. Так, необходимо понимать цель предисловия к курсу и краткое оповещение (очевидно, от издательства) на обороте заглавного листа, где указывается, что предисловие должно дать анализ и оценку различных точек зрения по этому вопросу, в том числе и точки зрения автора настоящего учебника. Однако предисловие т. Мишулина дает совершенно другое. Автор предисловия выступает не как информатор о дискуссии и критике высказывавшихся точек зрения, а как горячий сторонник концепции автора курса. Делая от себя несколько незначительных оговорок по поводу этой последней, т. Мишулин не приводит ни одного из тех чрезвычайно важных возражений проф. Струве как с принципиальной, так и с формальной стороны, какие делались виднейшими представителями исторической науки в Ленинграде. Отсылая читателя к «прекрасным», с его точки зрения, работам

проф. Струве в №№ 77 и 97 «Известий ГАИМК», он ни словом не обмолвился о том, что в № 77 «Известий» имеется также стенограмма прений по докладу проф. Струве, воспроизводящая выступления акад. Тюменева, проф. Лурье, т. Алжана и других историков, резкие и веские возражения против концепции проф. Струве. Таким образом преподаватель вуза и студент-вузовец не информируются об основных точках зрения спорящих сторон и о их аргументации, но прямо и решительно ставятся на платформу рабовладельческой концепции истории Востока. Тов. Мишулин настолько показывает себя стороной в этом вопросе, что не ограничивается только одним уже указанным приемом дезориентации читателя, но позволяет себе и другие, еще менее допустимые приемы. На стр. 11 т. Мишулин в качестве доказательства правильности своей концепции о коллективной форме первобытного рабства на Востоке прибегает к не совсем точному цитированию Маркса из «Немецкой идеологии» о коллективной форме владения рабами в античном государстве. Сделано это очень просто: начало соответствующего абзаца т. Мишулиным не приводится, а выхватывается из него только фраза, где слово «античная» отсутствует. Далее на стр. 7 т. Мишулин приписывает мне положение, будто феодализм в Двуречье «в своем развитии в эллинистическую эпоху превращается в рабство». Подобной чепухи я никогда не говорил. Вот буквальная цитата из рукописи моего доклада, на который ссылается т. Мишулин: «Рабовладельческое промышленное производство одерживает в Двуречье свою первую и едва ли не единственную победу в эллинистическую эпоху в Селевкии, куда оно было пересажено преческими победителями рабовладельцами». Третий «казус» — на стр. 11, где т. Мишулин также без всяких церемоний относит цифры о количестве рабов в документах Брестеда к отдельным египетским хозяйствам, в то время как документы на самом деле говорят о числе военнопленных рабов, взятых в течение определенной военной кампании в Сирии, и не дают никаких указаний о распределении этих рабов по приводе их в Египет. Наконец, т. Мишулин, оценивая результаты дискуссии об азиатском способе производства, энергично обрушивается на критиков «азиатской» концепции; он ни слова не говорит о грубейших теоретических ошибках «азиатчиков», защищавших троцкистские установки. А между тем некоторые из этих антимарксистских положений «азиатчиков» возрождаются теперь проф. Струве в его работах и в частности в рецензируемом учебнике.

Не останавливаясь на некоторых других ошибках т. Мишулина (например оказывается, что феодальный крепостной владетель земель «на основе частной собственности» — стр. 10), перехожу к общим теоретическим установкам учебника проф. Струве. Как это ни странно, однако остается фактом, что проф. Струве в вопросе об образовании классовой сущности государства повторяет давно разоблаченные антимарксистские установки «азиатчиков». «Территориальные общины», которые, по мысли автора, были первыми формами государственных объединений в Египте и Двуречье, не вполне вразумительно, но все же признаются автором классовыми («хотя эти общины и были этапом

в формировании классов, но они являлись уже безусловно классовыми по отношению к рабам, которыми они владели коллективно» — стр. 59, 32). Однако, по мнению проф. Струве, эти классовые общины организуются в первые государственные объединения вовсе не в качестве «машин для поддержания господства одного класса над другим» (Ленин «О государстве», т. XXIV, стр. 369), но в целях «создания большого государственного хозяйства», путем проведения искусственной ирригации (Египет — стр. 32—33, Сумер — стр. 59). Государственная власть создается «на почве производственных отношений» (стр. 40). Отсюда носители государственной власти в Египте, в Двуречье и в Персии, по мысли проф. Струве, были не агентами классового угнетения, но «представителями общин», выполняли организаторские функции и получали именно за это земельную ренту. При этом проф. Струве, чтобы не было никаких сомнений насчет «заработного» характера этой ренты, поясняет: «если и были имущественные различия, то они во всяком случае не шли столь далеко, чтобы одна часть населения за счет другой имела право получать прибавочный продукт» (стр. 32). Египетские номархи и цари были такими «представителями» («царь — представитель объединенных помовых общин» — стр. 34), такими же «представителями» были сумеро-аккадские патеси и цари (стр. 59) до Хаммураби включительно и персидские цари вплоть до Дария (стр. 14). Мало этого, в ряд таких же «представителей» зачисляется и жречество. Религия в классовом обществе рассматривается проф. Струве не как идеология эксплуататорских классов, а как цементирующая, организующая общество сила. Оказываясь, что все «территориальные общины» Египта и Двуречья, «безусловно классовые» «по отношению к рабам», совпадали с храмовыми территориями и их «коллективное» хозяйство совпадало с храмовым хозяйством. Бог, считавшийся номинальным собственником всей общинной земли, по мнению проф. Струве, был не ширмой жречества, а идеальным «представителем» общины. Храмовые амбары и кладовые были хранилищами «коллективных» запасов, и из них выдавалось довольствие беднейшим общинникам (стр. 60). Что же касается жречества, то только в процессе разложения общинного строя выделяется жреческая «зажиточная верхушка», которая «пытается получать ренту не в качестве представителей общины», но в Лагаше это попользование сейчас же пресекается мудрым «представителем» всей общины Урукатиной, а в Персии — Дарием, и жречество опять становится в ряды скромных «представителей» общины (стр. 60—61, 114). С таким антимарксистским, апологетическим отношением к религии и жречеству мы встречаемся и в другом месте курса, где оно выразилось особенно ярко. Это — в характеристике израильско-иудейского пророчества. Там проф. Струве без всяких колебаний воспроизводит апологетическую концепцию немецких библиистов и иудейских националистических историков, которые путем фальшивого истолкования и подтасовывания пророческих оракулов превращают пророков в страстных трибунов, выступавших якобы в защиту угнетенных против эксплуататоров. Проф. Струве, повидимому, не знает, что даже один крупный буржуазный ориенталист Винклер еще в середине 10-х годов сорвал этот

фальшивый ореол с «великих» пророков и показал, что в сущности они были политическими агентами иудейских царей в борьбе последних с царями Эфраима. Что же касается до классовой сущности пророчества и связи «великих» пророков с эксплуататорскими классами в классовой борьбе VIII—VII вв., то это показано в моих работах, которые не могут быть неизвестны проф. Струве.

Перед нами, таким образом, возрождение «азиатской» концепции «организаторской», т. е. надклассовой сущности государственной власти на Востоке, одобренное идеалистической установкой об организующей роли религии в общественном развитии. Эта антимарксистская, контрреволюционная установка была достаточно ясно вскрыта и опрокинута во время дискуссии об азиатском способе производства. Однако она еще доминирует над проф. Струве (бывшим «азиатчиком»), и ее влияние сказывается постоянно также и во всех тех местах курса, где речь идет о формах классового угнетения и о классовой борьбе. Как это ни курьезно, но даже Хаммураби, этот матерый представитель (без кавычек) крупных землевладельцев, жрецов и ростовщиков, превращен проф. Струве в болельщика за «меньшую братию». Само собой разумеется, что такая характеристика Хаммураби приводит, как это мы увидим ниже, к извращенному толкованию целого ряда статей кодекса Хаммураби.

Извращая основы марксистско-ленинского учения о классовом угнетении и государстве как аппарате насилия, проф. Струве извращает также учение Маркса и Энгельса и о характере восточных обществ. Можно по-разному определять удельный вес рабского труда на Востоке, но не может быть двух мнений о точке зрения классиков марксизма по вопросу о качественной стороне восточного рабства. Однако руководящее высказывание Энгельса, что «домашнее восточное рабство, в отличие от античного, не образует прямым образом основы производства» («Диалектика природы», 6-е изд., стр. 49), упорно замалчивается проф. Струве в его курсе, так же как и в его специальных работах. Правда, проф. Струве в курсе уже не повторяет своего первоначального тезиса, что восточное общество принадлежит к той же рабовладельческой формации, как и античное общество, и склонен теперь считать вслед за т. Мишулиным восточное рабство первобытным. Однако это чисто словесная уступка. В курсе фигурируют попрежнему и латифундии в Сумере, и тысячи рабов, работающих на них, и остался также целый ряд прежних формулировок, по смыслу которых раб на Востоке был основной фигурой в производстве. Между тем и преподаватели вузов и студенты уж не настолько несведущи в руководящих высказываниях Маркса и Энгельса, чтобы в своей массе не знать указанной установки Энгельса. Они спросят, как же быть с этой установкой? На каком основании проф. Струве ее ревизует, при этом даже замалчивая ее? Может быть, документы говорят иное? Однако знакомство с документами, говорящими о рабах, подтверждает целиком установку Энгельса. Проф. Струве, конечно, эти документы известны. Но он излагает в курсе свою концепцию чисто догматически, не вступая ни в какой анализ документов и их терминологии; нигде не выяс-

няя своего отношения к указанной руководящей установке Энгельса.

Другая основная, также совершенно ясно выраженная и бесспорная установка Маркса и Энгельса по вопросу о характере древневосточного общества еще более широко известна, чем установка о характере восточного рабства. Это установка, заключающаяся в том, что «ключ к восточному небу» дается фактом непрерывного существования на Востоке, на всем протяжении восточной истории, примитивных сельских общин («Капитал», т. I, стр. 406—407, новое издание Партиздата; в оригинале русскому «объясняет» соответствует «liefert den Schlüssel», сравни переписку 1853 г. — т. XXI, стр. 490—500—502). Повидимому, эта установка проф. Струве известна, хотя в своем «Введении» он как же и ее обходит полным молчанием. Влияние этой установки, повидимому, сказывается в том энергичном выдвигании на первый план «территориальной общины», которое надоедливо повторяется чуть ли не на каждой странице первой половины его курса. Однако, если мы сравним «территориальную общину» Струве с сельской общиной Маркса, то окажется, что «территориальная община» по своей классовой структуре совершенно не соответствует сельской общине Маркса. У Струве классовое угнетение в «территориальной общине» имело место только по отношению к рабам; свободные общинники не только не платили никакого прибавочного продукта, но и сами были эксплуататорами, поскольку коллективно владели рабами. Но Маркс рисует положение общинников совершенно иначе. Восточных общинников он ставит на одну доску с «несвободными» отдельными непосредственными производителями при феодализме и добавляет: «Если не частные земельные собственники, а Государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»; рента продуктами, говорится ниже, «как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом для застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, например, в Азии» («Капитал», т. III, 8-е изд., стр. 570, 574). Маркс делает также оговорку, что «в этом случае (в азиатском обществе) не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общественное владение и пользование землей» (там же, стр. 570). Таким образом Маркс совершенно определенно устанавливает тот факт, что восточные сельские общины эксплуатировались командующей верхушкой посредством высасывания продуктовой и отработочной ренты в специфической восточной форме. Эти высасывания должны быть известны проф. Струве, так как именно они разоблачают антимарксистскую сущность «азиатских» установок и поэтому неоднократно приводились во время дискуссии. Но он и о них умалчивает в «Введении», а в историческом изложении наперекор им постоянно подчеркивает, что налог, взимающийся с общинников, не был рентой, что не было также и отработочной ренты, ибо общинники работали «на себя», а то, что его оппоненты считают царской барщиной, было «государственными повинностями». Он готов до-

пустить злоупотребления, как например, при постройке великих пирамид, но и только. Это положение об отсутствии на древнем Востоке каких бы то ни было форм зависимости общинников выражается в курсе также чисто догматически. И здесь автор опять-таки замалчивает (ибо не знать он не может) целый ряд бесспорных, недвусмысленных сообщений источников о том, что сельские (не «территориальные») общины в Египте и Двуречье и в Израильской Палестине были обложены и отработочной и продуктовой рентами и не только в пользу царя, но также в пользу сановников, храмов и крупных землевладельцев.

Повидимому, вся эта путаница проистекает оттого, что проф. Струве очень упрощенно представляет себе раннее рабовладельческое общество. Он полагает, что раз в этом обществе противостоят друг другу рабовладельцы и рабы, то все свободные должны быть рабовладельцами, и никаких других форм высасывания прибавочного продукта не может быть. Отсюда, повидимому, и увлечение «коллективным» рабством. Это явление, конечно, было, но и тут и Струве и Мишулин не поняли сущности марксистской концепции раннего рабовладельческого общества. Классово образующим моментом является вовсе не коллективное, а частное рабство: «в самом начале достоверной истории мы всюду находим стада в обособленном владении глав семейств совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот—рабов»; именно «такие богатства, перешедшие в частную собственность отдельных семей, нанесли сильнейший удар обществу» (родовому); Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 57). Рабы, находившиеся в общественном владении, со времени появления класса частных рабовладельцев, становятся рабочей силой классового рабовладельческого аппарата принуждения и в конечном счете эксплуатируются в пользу класса рабовладельцев. Такой характер имела эксплуатация государственных рабов и в античных государствах, где помимо работы в государственных предприятиях рабы выполняли мелкие административные функции, в том числе и полицейские. Не иначе было и на Востоке. Впротивоположность установке Энгельса проф. Струве всячески стремится умалить значение частного рабства. Даже у царя не было своих рабов, и царские рабы были коллективными («коллективные царские рабы» — стр. 39). Из их числа царь предоставляет «некоторое» число в личное владение родовой знати (стр. 34). Так дело якобы обстоит и в Египте и в Двуречье почти вплоть до I тысячелетия.

Таким образом проф. Струве не считается с основными руководящими установками Маркса и Энгельса о характере восточного рабства, о зависимом положении восточных сельских общин и об эксплуататорском характере восточного деспотизма как аппарата господства землевладельцев и жрецов. Вместо этого он строит новую сумбурную концепцию, приводящую к ряду дальнейших извращений марксистско-ленинской исторической методологии. Тут целый ряд возражений вызывает та концепция движущих факторов исторического

процесса, которую мы находим в курсе проф. Струве. Основную «роковую» роль в «разложении любого общества» проф. Струве приписывает обмену и в качестве аргумента говорит: «так как обмен не играл большой роли в Египте, то поэтому нас не должна удивлять застойность египетского общества» (стр. 42). Чтобы не было сомнений, проф. Струве тут же поясняет, что Египет для развития своих производительных сил не нуждался в обмене. Таким образом, по проф. Струве выходит, что обмен есть не результат роста производительных сил, а условие этого последнего; застойность египетского общества объясняется не «простотой производственного механизма» восточных общин, «постоянно воспроизводящих себя в одной и той же форме» («Капитал», т. I, стр. 406), а слабостью обмена. Точно так же обмен является главным условием разложения общинного быта (стр. 40). Это общее положение проходит красной нитью через все изложение проф. Струве. Правда, он не забывает каждый раз упомянуть и про рост производительных сил, но этот фактор остается у него во втором плане в качестве стандартной формулы, обычно лишенной всякого конкретного содержания. В полном соответствии с такой оценкой роли обмена проф. Струве в I тысячелетии до н. э. отводит командную роль торгово-ростовщическому капиталу. Именно представители этого последнего, «организации торгово-ростовщического капитала», а не землевладельцы, решают судьбы Халдеи, ассирийские завоевания создали «мировой рынок» (стр. 99); в Вавилонии халдейской эпохи создались «настоящие банки» (стр. 105). Повидимому, в таком же смысле надо понимать и «зажиточную верхушку», которая, по проф. Струве, начиная с III и кончая I тысячелетием, постоянно «выделяется» во всех восточных обществах и причиняет «представителям», правящим в восточных государствах, очень много хлопот своими тенденциями распространить эксплуатацию кроме рабов также и на низы свободного населения (стр. 64 — об амморейской династии).

Что касается до классовой борьбы как главного фактора исторической динамики, то она в курсе проф. Струве остается на задворках. Значение ее смазывается прежде всего стремлением проф. Струве доказать, что вплоть до VI в. до н. э. «классом, в подлинном смысле эксплуатируемым», оставались только рабы (стр. 105). Поэтому ни в оброчной вавилонской «аренде», ни в отношениях между хозяевами и наемниками, ни в повинностях общинников он упорно не хочет видеть классовой эксплуатации, напротив, стремится, например, доказать, что кодекс Хаммураби «защищал» интересы и наемников, и держателей садов и полей, а общинники вообще платили только «налог». То обстоятельство, что восстания, о которых говорят нам египетские и шумерские документы, были крестьянскими, не смущает проф. Струве, хотя положение получается совершенно непонятное: эксплуатировались «в подлинном смысле» только рабы, а бунтовали крестьяне. Таким образом по отношению к факторам исторического процесса взгляды проф. Струве являются так же антимарксистскими и столь же сумбурными, как и по отношению к общей концепции сущности восточных обществ.

Переходя теперь к отдельным замечаниям фактического характера, я не буду касаться многочисленных мелочей и опечаток (например Аман вместо Амон, Барсило вместо Борсиппа), но остановлюсь только на самом существенном. Тут прежде всего в связи с общей концепцией проф. Струве допущены им крупные пробелы и ошибки в изложении истории земельных отношений. Проф. Струве, как уже было указано, говорит о раздачах «коллективных» рабов во владение родовой знати, но совершенно умалчивает о раздачах общинной земли храмам и родовой знати. А между тем, как известно всякому ориенталисту, о таких раздачах в Египте говорят уже документы эпохи древнего царства. Эти раздачи производятся царями, которые везде на Востоке считаются суверенными владельцами всех земель. Но так как проф. Струве полагает, что в древнейшую эпоху на Востоке вся земля принадлежит храмам (коллективным общинам), то сообщения Палермского камня и биографии Метена, где говорится иное, он предпочитает не упоминать. Однако факты — упрямая вещь; всякому ориенталисту также хорошо известно, что подобные раздачи в Египте производились и в последующие эпохи и что в результате их один храм Амона завладел по самому скромному подсчету около 25% всей египетской территории. Этот факт лежит в основе распада Египта в XI в. на фиванскую теократию и на северное царство ливийских фараонов. Об этом распаде в курсе проф. Струве нет ни одного слова, а о ливийских фараонах сказано буквально: «ливийцы, прежние рабы Египта, становятся теперь его господами» (стр. 100). Неискушенный читатель может подумать, что тут идет дело о победоносном восстании египетских рабов. Но на самом деле основатель ливийской династии, Шашонк, происходил из знатного ливийского рода, был командиром ливийских наемников, был в родстве с гараклеопольскими жрецами и — что самое главное — был крупным землевладельцем. Все это совершенно бесспорно явствует из знаменитой стелы Харпесона, военачальника и верховного жреца Гараклеополя, принадлежавшего к роду Шашонка. Также совершенно обойдена молчанием и политика ливийских фараонов, щедро раздававших общинные земли ливийским аристократам, в результате чего Северный Египет распался на 18 мелких царств и княжеств, лишь номинально подчинявшихся фараону. Ничего не говорит проф. Струве о земельных раздачах также и в Двуречье, не считая глухого упоминания о пожалованиях «наделов» реду и баиру в древневавилонском царстве. Однако о таких раздачах мы имеем документальные данные и из I и II тысячелетия. Из последней эпохи первоклассное значение для характеристики сельской общины в Двуречье и процесса ее разложения в результате хищнической раздачи общинных земель и обложения общинников повинностями и оброками имеют так называемые Кудурру, о которых опять-таки в курсе нет ни слова. Нет также ни слова о раздаче «садов и виноградунов» Саулом, Давидом и Соломоном. В связи с этим обращает на себя внимание также отношение проф. Струве к льготным грамотам, которые египетские и ассирийские цари давали храмам и своим крупным служилым людям. Проф. Струве

упоминает только о коптосской грамоте и возмражает против ее иммунитета характера. По его мнению, эта грамота лишь освобождала «территориальную храмовую общину» от «общегосударственных повинностей». Однако эта грамота, как и другие аналогичные, освобождает людей и рабов храма от царских повинностей и «предоставляет» этих рабов и людей всецело «богу Мину» и так называемой жреческой эксплуатации. Не приведены им Дашурская египетская грамота, а также интереснейшие по своему характеру ассирийские грамоты.

Другой важный пункт — это толкование кодекса Хаммураби¹. Стремясь доказать, что Хаммураби защищал интересы «беднейшей», «меньшей» братии, проф. Струве зачисляет в эту категорию, между прочим, мелких купцов (шамаллу), кредитовавшихся у дамкаров, и мелкий вассалитет — реду и байру. Но последние, по словам самого же проф. Струве, сдавали свои земли участками в обработку «земледелцам» и «садовникам», т. е. были эксплуататорами; а сегодняшний шамаллу ведь завтра мог стать и становился ростовщиком-дамкаром. При этом в доказательство «защиты» интересов шамаллу приводится ст. 107, трагующая об уголовном деянии, но замалчивается ст. 102 и 103. Далее проф. Струве пытается доказать, что условия, на которых снимали «арендаторы» поля и садов (точнее, оброчные держатели, ибо плата за пользование называется biltum, т. е. оброк), были совсем легкие. Совершенно произвольно он утверждает, что обычная плата, в случае ее фиксирования, равнялась $\frac{1}{6}$ урожая — таких данных у нас нет. Издольщину в $\frac{1}{3}$ урожая он считает также очень низкой оплатой, умалчивая, что существовала издольщина полей исполу (§ 46), а сады обычно отдавались за $\frac{2}{3}$ сбора. Особенно подчеркивает проф. Струве ст. 46, по которой в случае неурожая издольщик и хозяин делят урожай согласно условию, т. е. оба несут убыток. Не говоря уже о том, что убытки издольщика и хозяина относительно были вовсе не равны, тогдашняя практика показывает, что преобладала (84%) сдача полей за фиксированную плату, при которой в случае неурожая «убыток падает на земледельца» (§ 45). Эту статью, чрезвычайно выгодную для землевладельцев, конечно, надо считать новеллой, и, конечно, она, а не выходящая из употребления издольщина, определяет классовую направленность кодекса Хаммураби.

Не затрудняя читателя расчетами, укажу, что также неверно утверждение проф. Струве, будто кодекс Хаммураби устанавливал щедрую оплату наемному сельскому работнику. Мои расчеты показывают, что тариф тогда был го-

лодной нормой: по ценам при Самсуилуне, премнике Хаммураби, норма кодекса Хаммураби в переводе на хлеб равнялась только около 640 г в день. Повидимому, проф. Струве исходил при своем расчете из более низких цен в эпоху III династии Ура, т. е. за 300 лет до Хаммураби. Таким образом антимарксистская концепция сущности государственной власти на Востоке привела проф. Струве к искажению фактической действительности.

Следующие отдельные замечания делаем по отдельным государствам и странам Востока. Тут особенно не посчастливилось Палестине и Финикии. К тому, что сказано о пророчестве, надо добавить еще целый ряд существеннейших замечаний. Прежде всего о библии. Проф. Струве также (см. его «Израиль в Египте») был апологетом библии как «священного писания» и боролся с библейской критикой. Теперь он признает «богословский характер изложения» библии и о ее происхождении говорит, что «некоторые ее части написаны в очень древнее время, а другие значительно позже» (стр. 22). Вот и все результаты библейской критики! Если добавить, что в курсе систематически без всяких оговорок фигурирует термин «закон Моисея», то напрашивается мысль, что проф. Струве все еще вслед за ортодоксальными христианскими богословами и иудейскими националистическими учеными считает Моисея автором Пятикнижия, или, по крайней мере, некоторых его частей. Изложение истории еврейских царств дается под углом зрения командного положения «торгово-ростовщического капитала», «лишающего тысячи свободных граждан средств производства, а затем и свободы» (стр. 127). Между тем захватчиками (а не скупщиками — стр. 127) общинных земель являются царя и аристократия, как это не раз недвусмысленно говорится в исторических и пророческих книгах. Кроме рабской эксплуатации, другой нет — замалчивается знаменитое изложение «права царя», закабаляющее общинников и подтверждаемое документально самарийскими «ostraca». Явзе считается «племенным богом всех евреев» — концепция, разрушенная еще Винклером и не поддерживаемая даже известной частью немецких библеистов. Богословским и националистическим-иудейским душком отдают также замечания Струве о Второзаконии, которое будто бы возникло под пророческим влиянием и «защищало» интересы беднейшего населения; «защита», кстати, доказывается цитатой из Второзакония в синодском фальсифицированном переводе (подлинный смысл иной; эта фальсификация в свое время была мною изобличена). Пострадали также и география и политическая история. Племя Израиль, оказывается, жило «в долине Иордана» (стр. 125), а два «государственные объединения» Израиль и Иуды существовали еще до Саула, — «факт», до сих пор неизвестный ни одному библеисту (стр. 125—126). В отделе о Финикии истории нет, есть только изображение рабовладельческого строя. Но сведения о рабстве в Финикии у нас имеются только по отношению к Карфагену; о рабстве в других финикийских городах мы ничего не знаем, и, таким образом, здесь перед нами только домысел проф. Струве. О государственном строе финикийских городов сказано только, что это были «города-государ-

¹ Следует отметить, что в обзоре содержания кодекса не отмечены некоторые важные группы статей (например об ответственности за небрежное содержание плотин, за потраву и за порубку деревьев, о ссудах зерном и залогах), а начиная со стр. 194 даны неверные показания статей, входящих в ту или иную группу. Цитируется кодекс по устарелому и вообще малоудовлетворительному переводу Волкова, без всяких оговорок.

ства в античном смысле» (стр. 120). Но письмо царя Тира Абимилька, приводимое на стр. 124, повергает читателя в большие сомнения по поводу этой характеристики. Из финикийских городов совершенно не упомянут Гебал (Биби) — пропуск, совершенно непонятный в курсе египтолога. И столь же странно в курсе египтолога читать, что выступление Финикии в качестве торгового посредника было связано с развитием ирригационного хозяйства в Двуречье, в то время как последние раскопки на месте Гебалы показывают, что первые торговые связи финикийцы были с Египтом еще в эпоху древнего царства. Наконец, чрезвычайно странно читать, что «боги финикийских городов не имели даже собственных имен» (стр. 122). Неужели надо проф. Струве напоминать о Мелькарте, Дегоне, Эшмуне, Решефе, Адонисе, Астарте? Неужели он не обратил внимания на вновь открытые тексты в Рас-Шамра?

Из религий Востока посчастливилось только вавилонской религии; ей проф. Струве уделяет известное внимание в связи с вавилонской культурой. И опять-таки очень странно, что египтолог обходит молчанием египетскую культуру и религию, не посвящает ей такой же отдельной статьи, как вавилонской. Но и по отношению к вавилонской культуре и религии есть ошибочные установивки. Проф. Струве все еще считает вавилонскую религию астральной, начиная с шумерийской эпохи (стр. 74), — положение, от которого незадолго до смерти отказался сам его инициатор, Винклер, так как оно было совершенно разрушено критикой. Астральное богословие окончательно сложилось лишь в ассирийско-халдейскую эпоху, когда астрономические познания вавилонских жрецов достигли своего высшего уровня; ранние тексты еще не знают кроме Иштар-Венеры никакой другой планеты. Совершенно неправильно, что культ Таммуза не имел отношения к заупокойному культу (стр. 36), ведь известное сказание о схождениях Иштар в страну мертвых для освобождения Таммуза было ритуальным текстом, произносившимся на весеннем празднике поминовения умерших. Очень рискованно утверждение проф. Струве, будто вавилонская культура достигла не менее высокого уровня чем греческая культура (стр. 88), вряд ли с этим согласятся античники, а также и трезвые ориенталисты. Из отдельных замечаний проф. Струве о египетской идеологии обращает на себя внимание его заявление, что «индивидуализм» возникает только в эпоху среднего царства в связи с разложением общины и выражается «в появлении рассказов от собственного имени» (стр. 43). Но ведь из эпохи древнего царства дошли до нас биографии, также составленные «от собственного имени», значит, даже с точки зрения проф. Струве «индивидуализм» и разложение общины должны были иметь место и раньше. Следовало бы сказать более конкретно о влиянии восточных культур на античность; общее замечание в этом смысле, касающееся только вавилонской культуры, ничего не говорит читателю (стр. 88).

Из целого ряда других ошибок и неточностей курса укажу в заключение следующее.

Пирамиду Хеопса строили «тысячи» рабов и «сотни» крестьян (стр. 36); но единственный рассказ о постройке Геродота говорит о «всех египтянах» и о «народе», ничего не упоминая о рабах, а число работавших египтян исчисляет в 100 000 каждые три месяца¹. Это, конечно, круглая преувеличенная цифра; суть же дела в том, что рассказ Геродота говорит, несомненно, о царской барщине. Инструкция визиря, документ эпохи Тутмоса III, проф. Струве считает восходящей к эпохе среднего царства; это более чем спорно, так как государственный строй и административный аппарат в эпоху нового царства потерпел целый ряд существенных изменений, с которых, впрочем, курс умалчивает. Реформа Эхнатона изложена очень кратко и сумбурно, и классовая сущность ее совершенно не выяснена, ибо нельзя же считать выявлением классовой сущности этой реформы стандартное утверждение, что Эхнатон опирался на общинников, которые в то же время «были смущены» его реформой. Тут же, кстати, сообщается, что новая идея Эхнатона заключалась в отождествлении царя и бога! (стр. 55). При характеристике царского хозяйства III династии Ура проф. Струве объединяет все четыре (или пять) категорий рабочих людей, упоминаемых в документах, в одну категорию рабов, не приводя ни одного слова в объяснение такого обобщения. Экономическое благосостояние Ассирии якобы было основано на грабеже побежденных (стр. 98); но чем же объясняются постоянные восстания внутри Ассирии во время этого «благосостояния»? Вслед за буржуазными историками проф. Струве повторяет положение, будто в халдейскую эпоху в Вавилоне существовали крупные промышленные мастерские с рабским трудом (стр. 106). Но, как я показал в своем докладе, известном проф. Струве, что положение не оправдывается документами; оно является одной из фальсификаций с целью доказать «капиталистический» путь развития Востока. Если раннее египетское и шумеро-аккадское общества «архаизируются», то раннее хеттское общество модернизируется, — там, оказывается, была не деспотия, а «ограниченная монархия» (стр. 56). Возникновению в VI в. в Халдее «полуфеодальных» отношений проф. Струве не дает никакого объяснения (стр. 106); но появление феодальных отношений в Египте он объясняет «завоеванием персов, греков и римлян, которые «нанесли окончательный удар старым отношениям рабовладельчества в Египте» (стр. 104). Итак, рабовладельческая формация на Востоке была разрушена... рабовладельческой же античной формацией!..

Из сказанного видно, что курс проф. Струве совершенно непригоден для советской высшей школы. Это — антимарксистская работа, которая кроме того не дает конкретного изложения восточного исторического процесса и страдает целым рядом неточностей и ошибок. Остается спросить: чем руководствовался Соцэпгиз, издавая такую книгу?

Акад. Н. Никольский

¹ Диодор в описании пирамид общую цифру работавших исчисляет в 360 000 человек.